

Памяти Николая Михайловича Гиренко

Утром 19 июня 2004 г. от выстрела фашистского убийцы погиб Николай Михайлович Гиренко; погиб, верный своему научному и гражданскому долгу, убитый за свои честные и точные экспертные оценки деятельности фашистов и экстремистов, которые он предоставлял судебным органам. Фашисты решили заставить его замолчать выстрелами через дверь. Сейчас мне, старому однокашнику Николая Михайловича и его долголетнему сотоварищу по работе в Отделе этнографии народов Африки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, невольно вспоминается весь жизненный путь этого светлого человека, закончившийся так трагически.

Его детство было обычным для ленинградского мальчишки послевоенного времени: он рос патриотом родной улицы Подковырова, Большого проспекта и всей Петроградской стороны, где он был свой и вокруг тоже были свои. Мальчишкой он рос в атмосфере сплоченности, столь необходимой в послевоенное время, когда, несмотря на все военные потери, никто не оставался один, но в тесноте сильно разрушенного города «всюду были товарищи, всюду были друзья», слукавить и

осрамиться перед которыми было немыслимо. Друзья были уличные, потому что дома, в коммуналках, было не повернуться, а на многочисленных тогда развалинах домов мальчишкам был простор. Эта уличная жизнь закончилась, как у всех, окончанием школы и армией, которая никому тогда страшной не казалась. Там начиналась другая жизнь, временная, как и сама срочная служба, после которой жизнь нужно было выбирать уже самому. Николай выбрал Восточный факультет Ленинградского университета, отделение языка суахили на кафедре африканистики. На кафедре Николай выделялся среди других характером своего интереса к предмету, когда он стремился не просто «жадно впитать» массу того действительно увлекательного, что нам рассказывали преподаватели, а осмыслить всю эту экзотику, понять ее смысл как систему. И систематическое мышление отличало Николая Михайловича всю жизнь.

Планы студенты строили, как и положено, грандиозные, и будущее представлялось таким же бесконечно интересным, как и настоящее. А дальше Николаю Михайловичу и впрямь улыбнулось счастье: по окончании университета в 1967 г. он и один его однокашник попали в качестве переводчиков не куда-нибудь, а на Занзибар, к названию которого добавить уже нечего. Там он последовательно пережил два непереносимых шока, постигающих каждого восточника, впервые оказавшегося в «стране изучаемого языка». Первый: «Боже, я не понимаю ни слова! Чему меня учили?» Второй: «Ура! Я понимаю все! Я знаю язык!» Разумеется, впоследствии оказывается, что оба эти впечатления были столь же сильными, сколь и неверными. А главное — там была первая в жизни Африка «грез и действительности», которой было не позабыть ни самому Николаю Михайловичу, ни жене его — Валентине Викторовне, которая родила ему там вторую дочку — Соню. Первая — Катя — уже бойко лопотала на суахили, отчего пораженные этим занзибарцы стали называть Николая Михайловича «Баба я-Катя», что означало «отец Кати», хотя отцу нельзя давать почетного прозвища по имени дочери, а только по имени сына. Польщены они были и именем второй дочери («Нашим именем назвал — Саня»), так что счастливому отцу пришлось оставить их в блаженном неведении относительно того, что Соня — это не Саня, а сокращение от имени Софья.

Ничто не вечно, кончилось в 1970 г. и занзибарское приключение, и тут Николаю Михайловичу снова повезло: Дмитрий Алексеевич Ольдерогге пригласил его работать в сектор Африки Института антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ольдерогге был личностью эпохальной, и работать у него было редкой привилегией и удачей, хотя для семейного человека с двумя детьми перейти после занзибарских заработков на институтскую зарплату в 83 рубля (16 бутылок водки в жидкой валюте того времени) было также весьма серьезным приключением, уже вполне отечественного характера. Однако Николай

Михайлович пустился в это приключение, которое длилось до его последнего вздоха. Валентина Викторовна тогда его поняла и одобрила, потому что с женой ему тоже повезло. В секторе его ожидал еще один бесценный дар — общение с таким глубоким знатоком Африки и оригинальнейшим мыслителем, как Вячеслав Михайлович Мисюгин, который формально не был ни членом сектора, ни сотрудником института, но приходил к нам чуть ли не ежедневно. Для Николая Михайловича эта встреча с Мисюгиным была не первой, потому что тот был его университетским преподавателем еще на кафедре африканистики, но для студента общение с преподавателем на лекциях по большей части одностороннее: ему говорят, а он слушает. Тут же другое дело. Мисюгин бывал в секторе часто, и для выпускников кафедры африканистики настоящее знакомство с ним происходило именно там. Почему Мисюгин приходил в сектор, теперь точно не скажет никто. Видимо, была у него потребность поделиться своими удивительными идеями, отточить их в спорах, словом — в научном общении, для которого на факультете и места-то нет: буфет всегда переполнен, там не засидишься, а на кафедре постоянно идут занятия. Сказать, что общение с Мисюгиным в секторе было для нас полезным, значит сказать лишь соую часть правды. Мы приходили в сектор, не умея ни говорить, ни писать, ни подкреплять свои идеи чем-то еще, кроме собственной страстной убежденности. И для нас ежедневное обсуждение за чашкой кофе в знаменитой Академичке всего того, что придет в голову, стало хорошей школой. Совершенно незаметно Мисюгин уводил нас от пропаганды идей к их обоснованию, учил исходить прежде всего из материала, который сам знал великолепно и излагал увлекательно. Потом он перешел к столь же придиричивому чтению и обсуждению первых наших статей, где наша мысль текла свободно до полной невразумительности. Обладая огромными знаниями и практическим опытом (вплоть до плавки железа и строительства лодок и катамаранов), Мисюгин ощущал мир и его историю интуитивно, почти физически. Систематический же Гиренко желал «поверить алгеброй гармонию» своего учителя.

«Кофейные споры» открыли ему глаза на чудовищную терминологическую путаницу в этнографии, на то, что она в качестве терминов (т.е. слов, имеющих, по определению, одно и только одно значение) ничтоже сумняшеся берет обычные слова, в которые могут вкладываться отнюдь не один и тот же смысл и содержание. Н.М. Гиренко считал, что прежде всего нужно вырабатывать, как он выражался, «категориальный аппарат» изложения и дискуссии, основанный на четком соотношении терминов и понятий¹. Отсюда же его пристальное внимание к терминам

¹ Гиренко Н.М. Этноним и этническая общность в этнографических источниках // Марксистско-ленинская наука о путях преодоления отсталости африканских стран. М.; Л., 1974. С. 154–156.

родства как историческому источнику¹, одному из немногих, бывших в распоряжении исследователя бесписьменных обществ. Для новых понятий Н.М. Гиренко вводил и новые термины, вроде «социального организма родства», и непривычность таких терминов иногда производила сильное впечатление. Так, заведующий нашим сектором Д.А. Ольдерогге, большой знаток и ценитель русской классической литературы и языка, как-то раз пожаловался мне, что в часы ночных бессонниц, иногда его посещавших, ему порою кажется, что социальный организм родства приходит к нему, садится на грудь, давит и не дает уснуть.

Работа, которая велась в секторе под руководством Д.А. Ольдерогге, постепенно приводила к пересмотру прежних взглядов на ход африканской истории. В 1973 г. Д.А. Ольдерогге опубликовал свою статью «Колониальное общество — этап в этническом развитии народов Африки (Постановка проблемы)» в мало-заметном ленинградском сборнике «Проблемы населения и хозяйства стран Африки». Однако *sapienti sat*, и специалисты сразу же поняли все значение этого открытия, одним из первых на которое откликнулся Н.М. Гиренко, применив идеи своего заведующего сектором к собственному восточно-африканскому материалу². Для большинства сотрудников сектора статья Д.А. Ольдерогге послужила одним из стимулов для того, чтобы обратиться к изучению доколониального периода истории Африки, к чему их всегда ненавязчиво подталкивал Мисюгин. Не остался в стороне от этой работы и Н.М. Гиренко, защитивший в 1975 г. кандидатскую диссертацию на тему: «Традиционная социальная организация ньямвези (Основные тенденции развития в доколониальный период)». Вопросы, чем заниматься дальше, перед ним не вставало; работать нужно было в прежнем направлении, потому что в Африку посылали тогда самых разных специалистов, но африканисты в их число не входили. Для ученого, не желавшего расставаться с этнографической проблематикой, оставались, собственно, только две смежные области, обе сугубо теоретические: это терминология родства (соотношение типов терминологии и социогенеза) и фундаментальные вопросы политогенеза. Н.М. Гиренко не побоялся ими заняться. Вторая тема была особенно небезопасна: сто лет минуло со времени появления революционной работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», легшей в основу советской теории политогенеза; за такой срок не устареть она не могла, но ревизовать классиков марксизма не позволялось никому. Собственно, этнографы и не собирались писать новую работу взамен статьи Энгельса: вопросы семьи и

¹ Гиренко Н.М. Система терминов родства и система социальных категорий // Советская этнография. 1974. № 6. С. 41–50.

² Гиренко Н.М. Колониальный режим и традиционные институты (на примере Танзании) // Советская этнография. 1974. № 1. С. 50–69.

частной собственности их не интересовали. А вот вопросы политогенеза, напротив, интересовали очень: появлялись сильнейшие подозрения в том, что государство (или, скажем уклончиво, потестарная организация общества) появилось до возникновения классов. Подозрение это носилось в воздухе, и в Москве об этом серьезно задумывался Лев Евгеньевич Куббель, также ученик Д.А. Ольдерогге, много лет проработавший в его секторе. Разумеется, с сугубо марксистской точки зрения это звучало как ересь, но штука в море давно приучила карася не дремать. Куббель решил обозначить эту проблему как идею властвования, неизбежно присущую любому обществу, и изложил ее в виде очерков ее истории¹ — предосторожность огнюдь не лишняя, однако помешавшая четко сформулировать систему взглядов на этот предмет. Н.М. Гиренко решил подойти к проблеме по-другому — со стороны общества, в недрах которого зарождалась государственность, т.е. со стороны племени, и опубликовал в 1991 г. книгу «Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики», значение которой специалистам еще предстоит по-настоящему оценить. Впрочем, сам Николай Михайлович более всего ценил другую свою идею — о соотношении культуры и общества как формы и содержания, где культура является «формой реализации общественного бытия». Он считал, что общество и культура — это относительно самостоятельные величины, характеризующиеся, в частности, различной скоростью исторической динамики².

Самое начало 1990-х гг. было вообще весьма плодотворным временем в творчестве Н.М. Гиренко. Помимо упомянутой книги, тогда вышли в свет большие и серьезные теоретические статьи «Этнос и этнические процессы в предколониальный период (По материалам Восточной Африки)»³, «Динамика биосоциальной системы в естественноисторическом процессе»⁴, «Племя и государство: проблемы эволюции»⁵, однако тогда же революционные перемены в стране (т.е. передел собственности под лозунгом свободы) породили многие иллюзии и увлекли Николая Михайловича в водоворот деятельности практической. Жизнь менялась быстро и оказалась непредсказуемой: мало кто ожидал, что «свобода приходит нагая» до такой степени и что ею можно так беспардонно пользоваться. В этих трудных условиях Н.М. Гиренко принял на себя бремя и заместителя директора (а затем — дирек-

¹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

² Гиренко Н.М. Взаимодействие культуры и общества в свете ленинской диалектики // Ленинизм и проблемы этнографии. М., 1987. С. 118–146.

³ Этносоциальные процессы. М., 1990. С. 15–24.

⁴ Африканский этнографический сборник XV. Л., 1991. С. 4–68.

⁵ Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 122–131.

тора) Института антропологии и этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, и депутата Санкт-Петербургского городского совета народных депутатов, члена Постоянной комиссии по правам человека и общественных объединений. Ученым занятиям все это, разумеется, не способствовало. Потом ко всем нам пришло отрезвление, осознание того, что наступило действительно новое время и на смену прежним несправедливостям и жестокостям пришли новые. Этнические проблемы, изучать которые мы не могли в Африке, сами пришли к нам в Петербург. Когда всеобщее перестроечное воодушевление прошло и заниматься общественными делами стало немодно, Николай Михайлович оказался среди тех немногих, кто не ушёл в бизнес и не замкнулся в башне из слоновой кости: он раньше других понял, как взрывоопасны могут оказаться этнические конфликты и каким страшным оружием могут стать национальные противоречия в нечистых руках. Он был активным членом, а затем и председателем Группы по правам национальных меньшинств; сопредседателем Союза ученых, где курировал проблематику межэтнических отношений; при его активнейшем участии происходило структурирование этнических общин Санкт-Петербурга и налаживание конструктивных отношений этих общин с городскими властями и правоохранительными органами — для этого он организовал «этнополитический ликбез» для городских чиновников и работников милиции.

Но больше всего сил и времени тратил он на написание экспертных заключений для судебных процессов по делам всевозможных национал-экстремистов. Поначалу эта деятельность казалась бессмысленной: мало того что экспертизы занимали львиную долю времени, не оставляя ничего на написание теоретических статей или, в конце концов, на попутные заработки (ведь за судебную экспертизу Николай Михайлович денег принципиально не брал), но ведь и следователи с прокурорами чаще всего вели себя так, что дела разваливались, не доходя до суда. Но Н.М. Гиренко не отступался, и постепенно аргументация становилась всё более точной и юридически выверенной, так что не считаться с ней суды уже не могли. Но этого Гиренко было мало: последние годы он много думал о необходимости создания комплекса методических рекомендаций по процессам, связанным с разжиганием расовой и национальной вражды. Такие рекомендации помогли бы коренным образом переломить ситуацию и дать прокуратурам и судам всей России оружие для обуздания коричневого беспредела.

Можно задаться вопросом: а если бы Гиренко знал, к какому трагическому финалу приведёт эта деятельность? Может быть, он вёл бы себя потише, высовывался бы пореже? Но всякий, кто хоть немного знал Николая Михайловича, поймёт: нет, это ничего не изменило бы. Он был человеком чести и долга, и в служении гражданскому и профессиональному долгу его могла остановить только смерть.

Среди многих церковных молитв есть, в частности, и молитва о ниспослании «непостыдной кончины живота», мысль о которой когда-нибудь приходит в голову каждому человеку. Именно такая кончина и постигла Николая Михайловича Гиренко, и, скорбя о нем, сами мы можем только гордиться знакомством с таким человеком.

Севир Чернецов